

Позади показался один из старших дворцовых евнухов. Срываясь на пронзительный фальцет, он прокричал:

— Генерал Вэй, указ императора!

Вести из дворца долетели на удивление быстро. Вэй Мэндо и сам изумился такой расторопности. Он принял свиток из рук евнуха и внимательно изучил его. На плотной бумаге красовался размашистый почерк императора Ян Тао, скреплённый личной печатью правителя. Генерал пробежал глазами текст, помедлил и поднял голову. Окинув взглядом бурлящую толпу, он задержал взор на хранящем молчание Лин Шу, а затем посмотрел на Ян Е.

— Маркиз Хуайнань, — заговорил Вэй Мэндо. — Императорский указ уже здесь. Твой арест — досадное недоразумение. Его Величество и без того намеревался отправить подкрепление Князю Чжао, так что вредить вам никто не желает. Отпусти господина Лин Шу, и Бэйчэнь Цин сможет беспрепятственно покинуть столицу.

Бой в зале утих. Бэйчэнь Цин, не опуская клинка, медленно отступил к Ян Е и негромко произнёс ему на ухо:

— Сяо Лан, сладко поют, да жёстко спать. Стоило мне двинуться к окраинам, как нас попытались вырезать псы из Внутреннего лагеря Хэнлу. Еле прорвался. А когда примчался к Юань Оумину, выяснилось, что император подсунил мне фальшивый тигровый жетон. У Юаня на руках лишь половина, а без второй он не имеет права поднять гвардию. Сейчас он ждёт за городскими стенами, но получу ли я людей — большой вопрос. Как поступим?

Ян Е прищурился и прошепел в ответ:

— Прижми этого Лин Шу посильнее. Потребуем настоящий жетон в обмен на его шкуру, заберём войска и уйдём. В крайнем случае — сожжём все мосты!

— Бунт — дело последнее, — покачал головой Бэйчэнь Цин. Он покосился на Лин Шу. — Но Его Величество явно дорожит этим судьёй. Стоит рискнуть.

— Идёт, — согласился Ян Е. — Рискнём. В худшем случае погибнем вместе!

Он вскинул голову и, расплывшись в ядовитой усмешке, обратился к Вэй Мэндо:

— Генерал Вэй, одного лишь выезда Бэйчэнь Цина из столицы маловато будет. Во-первых, я горю желанием отправиться на границу вместе с генералом Юанем, дабы послужить отечеству, а посему на всём пути нас никто не должен преследовать. Во-вторых, господин Лин Шу последние два дня изрядно меня изводил, так что в качестве скромного утешения он самолично проводит нас за ворота. В-третьих, Его Величество пообещал нам двадцать тысяч воинов Центральной императорской гвардии. У генерала Юаня есть лишь половина тигрового

жетона, а ту половину, что вы вручили генералу Бэйчэнь Цину, перепутали — подсунули от другого лагеря, а вовсе не от лёгкой конницы Юань Оумина. Верю, что это досадная оплошность, так что давайте исправим недоразумение и обменяемся жетонами прямо сейчас. И в-четвёртых... Похоже, господин Лин ко мне равнодушен, раз среди ночи пробрался в моё поместье и утащил стопку писем от родных. Они сейчас лежат вон в том столике у дверей. Извольте вернуть. Если судейскому так дорог мой почерк, я позже напишу ему любовное послание. А коли ему надобно письмо от Князя Чжао, так я попрошу брата, он начертает пару строк.

— Хорошо, я согласен, — ответил Вэй Мэндо.

Что именно было написано в императорском указе, оставалось загадкой, но уступчивость генерала поразила даже Ян Е и Бэйчэнь Цина. Условия маркиза были дерзкими, одно другого наглее, а Вэй Мэндо согласился без малейших колебаний. Ян Е невольно покосился на Лин Шу и тихо выругался сквозь зубы:

— Ну и сукин же ты сын...

Вэй Мэндо снял с пояса расшитый парчовый мешочек, забрал со столика письма и личные вещи Ян Е, связал всё это вместе и швырнул Бэйчэнь Цину. Тот ловко поймал узел, быстро проверил подлинность тигрового жетона и сохранность документов, после чего столь же вежливо вернул фальшивую половинку. Затем он притиснул Лин Шу к себе, закинув его руку на своё плечо в качестве живого щита.

— Дорогу! — рявкнул Ян Е.

По знаку Вэй Мэндо стражники расступились, освобождая проход. Конвоируя судью, беглецы двинулись к выходу. Братья Ма, Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь прикрывали тыл. Каждый шаг давался им с трудом — напряжение висело в воздухе, словно натянутая струна.

Поравнявшись с Вэй Мэндо, Ян Е уловил его тяжёлый, полный ярости взгляд. Маркиз остановился и вкрадчиво улыбнулся:

— Генерал Вэй, мы вытребовали эти двадцать тысяч воинов лишь ради спокойствия на границах и процветания Империи Да Янь. Но сколько же трудов нам это стоило! А вы всё ещё недовольно сверлите меня глазами. Теперь мне всё ясно: вы замышляете недоброе. Спите и видите, как рухнет наше государство, чтобы потом сбежать в тёплые края да почивать на лаврах. Неужто и местечко себе уже присмотрели? Иначе к чему такая спешка?

— Да ты... бреди... — Генерал Вэй побагровел от ярости, едва не выплюнув грубое «бредишь собачьим бредом», но вовремя прикусил язык.

— И какое же слово вы сейчас проглотили, генерал? — ехидно поинтересовался Ян Е. — Как на вкус, не горчит?

Ян Е издавна славился в столице своим скверным нравом и острым языком. Понимая, что в словесной перепалке маркиза не одолеть, Вэй Мэндо предпочёл промолчать. Он лишь угрюмо наблюдал, как беглецы покидают Небесную тюрьму, и шёл следом, держась на почтительном расстоянии вместе со своими людьми.

На дворе стояла глухая полночь. Ночной ветер дохнул пронизывающей прохладой, и Лин Шу слегка передёрнул плечами от холода. Заметив это, Бэйчэнь Цин тут же снял свой плащ и набросил ему на плечи. Ян Е вспыхнул от ревности и сердито уставился на друга:

— Юньци, он тебе кто такой, что ты с ним так нежничаешь? А как же я? Этот мерзавец исполосовал мою одежду в клочья, а тебе и дела нет! Ты вообще понимаешь, кто твой близкий человек, а кто чужой? А ну живо снимай с себя ещё что-нибудь и отдавай мне!

Это было верхом капризного упрямства, но Бэйчэнь Цин с детства привык к диким выходкам своего названного брата. Он лишь мягко улыбнулся:

— Сяо Лан, если я сниму что-то ещё, то останусь полуголым. Мы всё-таки в столице, являться пред светлы очи воинов в неподобающем виде как-то неблагородно.

Двадцать тысяч воинов Центральной императорской гвардии под началом генерала Правой гвардии Юань Оумина уже стояли наготове у подножия гробниц Ман в Лояне. Завидев приближающийся отряд, Юань Оумин в сопровождении нескольких помощников поспешил навстречу. При виде долгожданного войска Бэйчэнь Цин преобразился: глаза его радостно блеснули. Он вскинул руку с зажатым в ней парчовым мешочком и с улыбкой воскликнул:

— Генерал Юань! Готовьтесь к выступлению, мы немедленно отправляемся на границу!

Юань Оумин почтительно склонил голову. Заметив следовавшего позади Вэй Мэндо, который был его прямым начальником, он уже собрался соскочить с седла для приветствия, но Великий генерал гвардии Цзинь у остановил его ледяным взглядом.

— Генерал Юань, — ровно произнёс Вэй Мэндо, обведя взором собравшихся. — Раз уж указ императора велит тебе выступить на подмогу Князю Чжао, ты обязан следовать за ним до конца. Сражайся яростно, и, если суждено тебе пасть в бою и вернуться домой завёрнутым в конскую шкуру, прими эту участь без колебаний. Не посрами славу Центральной императорской гвардии.

Юань Оумин низко поклонился:

— Слушаюсь. Ваши наставления глубоко запечатлены в моём сердце.

Вэй Мэндо повернулся к маркизу Хуайнань:

— Маркиз Хуайнань, теперь-то вы отпустите господина Лин Шу?

Ян Е состроил удивлённую гримасу и покачал головой:

— Ну уж нет! Сдаётся мне, я воспылал к господину Лин Шу нежной страстью с первого взгляда. Пусть поприисутствует подле меня ещё немного. Вот минуем заставу Тунгуань, отыщем мне на замену какую-нибудь местную красавицу — тогда и отпущу вашего судью. А вам, генерал Вэй, пора бы поворачивать назад. Что вы плетётесь за нами? Или недовольны решением императора и замышляете бунт, желая отобрать войска? А может, сами нацелились в земли Гуаньчжуна, дабы наловить там девиц? Помнится, посланники государства Цюннань уже дарили вам прелестниц. Да только те южанки больно невзрачны: смуглые, худые — кожа да кости, сушёные рёбрышки. Наверняка не в вашем вкусе, верно?

Маркиз так и сыпал издевательствами, но Вэй Мэндо, связанный долгом службы, смолчал. К тому же он прекрасно понимал, что пока отряд не минует Тунгуань, пленника им не видать.

— В таком случае я возвращаюсь, — процедил сквозь зубы генерал. — Я уже отправил почтового голубя начальнику заставы Тунгуань, Бай Лину. Он встретит господина Лин Шу. Надеюсь, у заставы маркиз Хуайнань сдержит своё слово.

Проводив взглядом отряд Вэй Мэндо, Ян Е скомандовал:

— Чтобы не искушать судьбу — выступаем немедленно!

Договорив, он случайно скользнул взглядом по рядам конницы и замер. В паре десятков шагов позади Юань Оумина, верхом на гнедой лошади, сидела Фэн Гэ. Она молча и пристально смотрела прямо на него.

Маркиз опешил.

Заметив его оцепенение, Бэйчэнь Цин негромко пояснил:

— Сяо Лан, именно эта дева принесла весть о твоём похищении. Без неё я бы ни за что не отыскал след. Она хочет уйти с нами, так что давай заберём её с собой.

— Ладно... — только и выдохнул Ян Е.

В голове завертелись панические мысли: от девицы теперь вовек не отвязаться, неужто придётся отвечать за неё до конца дней? От этих мрачных предчувствий у истощённого маркиза внезапно потемнело в глазах. Земля ушла из-под ног, и он замертво рухнул на траву.

Бэйчэнь Цин, Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь испуганно переглянулись. Поскольку руки Бэйчэнь

Цина были заняты бесчувственным пленником, первыми к упавшему подбежали лекари. Осторожно приподняв Ян Е, Нянь Вэй взволнованно спросил:

— Маркиз Хуайнань, что с вами?

Ян Е приоткрыл глаза и яростно зашипел:

— Что со мной?! А сам как думаешь?! Я двое суток маковой росинки во рту не видел, пока этот выродок измывался надо мной в казематах! Весь изранен, измучен, а вы хоть бы ради приличия поинтересовались моим самочувствием! — Он перевёл пылающий взор на Бэйчэнь Цина, державшего Лин Шу. — Юньци! А ну брось этого мерзавца! Пни его куда-нибудь в сторону, ты должен держать меня!

— Хорошо-хорошо, сейчас отброшу! — покладисто закивал Бэйчэнь Цин. — Лин Шу, прошу прощения за грубость, не обессудьте. Сяо Лан, иди ко мне, поедem на одном скакуне. У меня в дорожной сумке есть вяленое мясо, перекуси по пути.

Он тут же бесцеремонно толкнул Лин Шу в руки подоспевшей Тройки Ма, а самого Ян Е бережно подхватил, усадил впереди себя в седло и прижал к груди.

Когда Тройка Ма приняла пленника, Бэйчэнь Цин внезапно вспомнил об одной важной детали и обернулся к среднему из них:

— Ма Тяньюнь! Стяните Лин Шу сухожильными путами и закрепите цепь. Ведите его лошадь на привязи, но держитесь от него не ближе чем на три чи. Самим к нему лишний раз не прикасаться.

Охранники усердно закивали и тотчас исполнили приказ: спеленали Лин Шу по рукам и ногам, усадили в седло и натянули длинную железную цепь, держась на безопасном отдалении.

Выстроив колонну, Юань Оумин пустил авангард вперёд, а сам встал в арьергарде. Под охраной Бэйчэнь Цина пленный судья ехал в самом центре войска. Огромная армия бесшумной лавиной тронулась на запад, держа путь к заставе Тунгуань под покровом ночи.

Пока конь мерно вышагивал в темноте, Бэйчэнь Цин ухитрился на ходу бережно перевязывать раны Ян Е.

— Сяо Лан, всё это кажется сном, — негромко произнёс он. — Не думал, что нам удастся так просто вырваться из Лояна.

— Для меня это тоже сон... — обессиленно прошептал Ян Е. — Только кошмарный. С самой первой минуты в застенках Небесной тюрьмы. Единственное утешение — напоследок я знатно попортил шкуру этому судейскому псу.

Жар снова начал одолевать измученное тело маркиза, и он тяжело навалился на плечо Бэйчэнь Цина. Почувствовав, как сильно разгорячилась кожа названного брата, Бэйчэнь Цин прикоснулся ладонью к его лбу и встревоженно нахмурился:

— Опять лихорадка бьёт. Да что же это такое? Нужно позвать Нянь Вэя, пусть подберёт целебный отвар.

— Да кто его знает... — слабо покачал головой Ян Е. — Когда ублюдок Лин Шу проткнул меня мечом, жар на какое-то время спал. А теперь полдня прошло, и опять горю. Неужто его клинок целебный? Может, попросить его проткнуть меня ещё разок ради пробы?

Бэйчэнь Цин бросил мимолётный взгляд на ехавшего поодаль Лин Шу, за которым бдительно следили братья Ма.

— Не мели чуши. Меч остался в Небесной тюрьме. Да если бы и лежал у меня в седельной сумке, я бы ни за что не позволил калечить тебя снова. Терпи и пей лекарства.

Войско бесшумно двигалось на запад вдоль русла Хуанхэ. Позади остались Синьянь, Мяньчи и застава Ханьгу — до Тунгуаня было уже рукой подать. Передвигаясь скрытно, совершая переходы от рассвета до заката, на исходе второго дня армия подошла к горе Лошадиная Голова, что лежала к западу от Мяньчи. Здесь решено было разбить лагерь, развести костры и приготовить горячую пищу.

Ян Е жестоко лихорадило весь путь. Лишь когда раскинули шатры и лекари влили в него две чаши горького снадобья, силы начали понемногу возвращаться к нему. Впрочем, стоило Бэйчэнь Цину войти в палатку, как маркиз тут же принялся капризничать и жаловаться на судьбу. Они делили один небольшой походный шатёр, и Бэйчэнь Цин преданно ухаживал за больным: подносил тёплую воду, кормил с ложки, бережно обтирал лицо и разминал затёкшие плечи.

Вспоминая пережитые ужасы, Ян Е то и дело жалобно шмыгал носом:

— Он прижигал мне грудь раскалённым клеймом больше десятка раз! Пусть ожоги и крошечные, но это же настоящее железо! Погляди сам... на коже живого места нет, прощай былая красота. Разве я могу спустить ему такое с рук? Я обязан... я просто обязан отплатить ему тем же! Юньци, а что, если мы зажмём его вдвоём и развлечёмся с ним по-взрослому?